

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ.

Русской православной Церкви приходится переживать, теперь, трудное время всестороннего натиска вопиющего атеизма, стремящегося всячески подорвать, исказить и уничтожить религиозные и церковные основы жизни.

Въявляя сложившееся влияние православия на русскую народную, а отчасти и интеллигентскую душу, сдерживающую узы въсковой церковной дисциплины, твердо сложившиеся навыки въявляющего церковного уклада—все это стоит поперек дороги социалистической пропаганды, а потому, всеми средствами расшатывается и разлагается. Средства эти разнообразны, и одним из них является огрызание, профанирование и осмеяние различных въявляющих черт церковной жизни и носителей ее—духовных лиц.

За это дело берутся и писатели, и тем более деятели газетной прессы, умбующей особенно живо запечатывать в памяти мимолетная, всекользь брошенная замбчания, эпизоды и „корреспонденции“. Если „великий писатель земли русской“ в своемъ „Воскресеніи“ не устыдился описать, въ тонѣ „атеиста“ очень невысокой пробы православное богослуженіе, то ужь конечно какомунибудь Чirikову что-же стбсняться въ описаніи пошло-комической любовной связи „просвирни“ съ дѣсною нечестью (См. „Гѣсняя тайна“ въ 5 сборникѣ „Земля“).

Въ газетахъ, гдѣ разсчитывается на быстроту и яркость впечатлѣнія, дѣло ставится болѣе живо. Стоитъ, напр. возникнуть вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, какъ тотчасъ же начинаются избитыя варьяціи на горькую тему о „любовахъ“, служащую излюбленнымъ козырькомъ и

для сектантовъ, и для старообрядцевъ, и однимъ словомъ для всѣхъ, кто считаетъ только себя человекомъ вообще, а о духовенствѣ полагаетъ, что оно должно лишь предлагать всѣмъ духовную пищу, питаясь само какъ и чѣмъ хочетъ. Впрочемъ эта „духовная пища“ только тутъ и выдвигается, а помимо этого, въ ней, кажется, мало пуждаются именно ея ревнители благочестія. Но тѣмъ не менѣе, съ плеча, клеймится все духовенство, тогда какъ всякій шагъ къ его справедливому обезпеченію, которое только и могло-бы снять съ него незаслуженный позоръ, тормазится всѣми средствами. Пресловутое-же „отдѣленіе Церкви отъ государства“ понимается, повидимому, почти исключительно съ точки зрѣнія „націонализаціи“ ея имущества. Все это подогрѣвается баснями о чудовищныхъ, яко-бы, церковныхъ богатствахъ—стоитъ лишь припомнить, напр., что явсаолько лѣтъ назадъ въ какой-то уличной газеткѣ, совершенно серьезно утверждалось, что Новгородскій владыка получаетъ въ годъ 300 тысячъ дохода, и что кашталь Троице-Сергіевой Лавры нечисляется ни болѣе, ни менѣе, какъ въ миллиардъ... А между тѣмъ именно эти газетныя нетѣности прочно застреваютъ въ головахъ тѣхъ классовъ, которые, при всей трюнуности современной „сознательности“, во первыхъ не въ силахъ во всемъ этомъ разобраться, а затѣмъ—при острыхъ матеріальныхъ недостаткахъ, особенно чувствительны къ остыляющимъ ихъ шифрамъ.

Стоитъ возникнуть вопросу о церковно-приходскихъ школахъ, какъ тотчасъ-же появляется „корреспонденція“, и непременно откуда нибудь подальше, напр. о томъ, что гдѣ-то въ Сибири учителями въ такихъ школахъ бываютъ оставшіе солдаты, деревенскіе сапожники, портные и даже чуть-ли не бѣлые каторжанки (См. „Русск. Вѣд.“ 1910, № 248).

Послѣ извѣстнаго газетнаго шума по поводу прот. Восторгова, посылались было, какъ изъ рога изобилія, корреспонденціи все въ одномъ и томъ же духѣ, и опять все изъ далекихъ мѣстъ (напр. въ № 253 „Русск. Вѣд.“ за 1910 г., изъ Омска), а послѣ дѣла арх. Мельхиседека—одна изъ очень распространенныхъ московскихъ газетъ такъ ужь и прямо открыла-было рубрику: „Наши монастыри“.

Вообще не стѣняясь съ духовенствомъ, вообще съ особеннымъ вкусомъ обрушиваются на монашество, гдѣ дѣй-

ствительно, къ сожалѣнiю, можно найти много дефектовъ, что отлично сознаеть и сама Церковь. Но тѣмъ не менѣе едва-ли позволительно даже просто съ точки зрѣнiя простаго приличiя напр. демонстрированiе на огнѣ одного изъ лучшихъ московскихъ эстампныхъ магазиновъ, какъ это было недавно, явно тенденцiозной картины яко бы изъ монастырской жизни, крайне безобразнаго содержания, подъ прiятнымъ названiемъ: „Въ тихой обители“...

Все это выхвачено мною наугадъ изъ десятковъ подобныхъ-же антицерковныхъ выходокъ, но несомнѣнно и болѣе постоянное, прочно укоренившееся теченiе. Такъ, все то, что такъ или иначе касается Церкви, и въ чемъ можно хотя за что нибудь зацѣпиться, усаживаясь на избитый конекъ нравственнаго ригоризма, усердно раздувается и раскрашивается, но зато съ какою симпатiей и любовью описывается все то, что такъ или иначе становится съ Церковью въ оппозицiю, начиная съ сектантства и вплоть до „братчиковъ!“ Тутъ выдають въ лиризмъ и даже въ ибѣго идеалическое (См. напр. статью г. Пришивина въ новогоднемъ № „Русск. Вѣдом.“).

И вотъ предъ лицомъ всего этого Церковь молчитъ, какъ бы пренебрегая, какъ-бы считая ниже своего достоинства вытывать во все эти дрязги. Но не надо забывать, что теперь, при ожесточенной враждебности къ религи и Церкви атеистическаго социализма, нельзя быть равнодушнымъ, и къ тѣмъ мелочамъ, что именно своей мимолетностью особенно ярко отпечатывается въ общественномъ сознани. Молчанiе Церкви и ея дѣятелей если не принимается, то тотчасъ-же услужливо истолковывается въ смыслъ „знака согласiя“, или, что еще хуже, въ смыслъ трусости, боязни запутаться въ неприятныхъ „разоблаченiяхъ“. Если даже Церковь не молчитъ, то разъясненiя ея постоянно заваздываются, да и помѣщаются лишь въ духовныхъ журналахъ, которыхъ никто изъ большой публики не читаетъ. Примѣромъ можетъ служить опроверженiе неглупости о женщинѣ-монахѣ Соловецкаго монастыря, которое я встрѣтить лишь приблизительно *черезъ 2 мѣсяца* послѣ газетнаго сообщенiя, въ № 44. „Церковнаго Вѣстника“ за прошлый годъ, да и то въ отдѣлѣ „Тѣтнiеи русской церковной жизни“. А между тѣмъ и до сихъ поръ приходится сталкиваться именно

съ этимъ мифомъ, который, повидному, засѣлъ въ головахъ весьма прочно. И именно этими-то казалося-бы пустыми и несбытыми мелочами, на ряду съ многими прочими, мало по малу создается, то антицерковное *настроenie*, съ которымъ будетъ все труднѣе и труднѣе бороться.

Поэтому нельзя молчать, возлагая все надежды лишь на певзурное veto, которое, къ счастью, обыкновенно и является на помощь—но вѣдь и это можетъ быть тотчасъ же, и очень удачно, истолковано не въ пользу Церкви. Надо отвѣчать и разъяснять быстро, точно и ясно: разъяснять не въ духовныхъ органахъ, а въ той-же повременной печати. Какъ это осуществить чисто практически, я, какъ человекъ далекий отъ механизма духовныхъ дѣлъ, предпринять не беруся. Думаю только что это дѣло важное и къ нему должны приложить свои усилія все тѣ кому дорого достоинство и цѣдность русской православной Церкви.

Нора отрѣшиться отъ замкнутости, покончить съ ней для насущнаго дѣла защиты интересовъ Церкви. Надо отвѣчать на каждый враждебный литературный выпадъ, живо разсчитанный именно на привычное молчаніе духовныхъ сферъ. Нечего бояться и того что быть можетъ кое-что и непріятное можетъ, попутно, выдѣлиться болѣе рѣзко—не Церкви бояться свѣта и истины, отъ которыхъ только и можно ждать исцѣленія ея внутреннихъ и внешнихъ недуговъ. Въ исторической перспективѣ тысячелѣтней жизни христіанства, какъ сообщества живыхъ людей, состоящихъ изъ плоти и крови, со всеѣмъ калейдоскопическимъ разнообразіемъ ихъ духовныхъ и нравственныхъ организаций, всегда встрѣчались дефекты и нестроения. Но это не мѣшало и не помѣшало христіанской Церкви расти и развиваться, выдѣляясь изъ себя, на ряду съ необходимыми темными элементами, безъ которыхъ на землѣ нѣтъ жизни, ослѣпительные свѣточки такой святости, до которой далеко всякому „гражданскому“ подвигу.

С.

Москва, мартъ 1911.